

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ- ЩЕДРИН

СКАЗАНИЕ О СТРАНСТВИИ
И ПУТЕШЕСТВИИ ПО РОССИИ,
МОЛДАВИИ, ТУРЦИИ
И СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
ПОСТРИЖЕННИКА СВЯТЫЯ ГОРЫ
АФОНСКИЯ ИНОКА ПАРФЕНИЯ

Михаил Салтыков-Щедрин
**Сказание о странствии и
путешествии по России,
Молдавии, Турции и Святой
Земле постриженника
Святыя Горы Афонския
Инока Парфения**

«Public Domain»

1856

Салтыков-Щедрин М. Е.

Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския Инока Парфения / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain», 1856

«...Направление, принятое русскою литературой последних годов, заслуживает в высшей степени внимания. Русский человек, с его прошедшим и настоящим, с его экономическими и этнографическими условиями, сделался исключительным предметом изучения со стороны литераторов и ученых. Всякий стремится посильною разработкою явлений русской жизни уяснить для себя загадочный образ русского народа; всякий, с нетерпеливою поспешностью, спешит наворожить младенцу-великану блестящую и благоденственную будущность. Несмотря на эту, быть может, преждевременную и юношескую запальчивость и нетерпеливость, нельзя сомневаться, что настоящее литературное движение скрывает в себе зачатки, весьма плодотворные по своим последствиям. Нельзя сомневаться, что даже и в настоящее время мрак, обнимавший многоразличные проявления русской жизни, начинает мало-помалу рассеиваться, ибо мы в течение немногих последних лет приобрели уже достаточное количество материалов для знакомства с характером и внутренним бытом русского народа, и если процесс этого ознакомления еще не вполне завершился, то нельзя не иметь крепкой надежды, что молодая русская литература, став однажды на твердую стезю изучения русской народности, не собьется с нее и довершит начатое дело...»

© Салтыков-Щедрин М. Е., 1856

© Public Domain, 1856

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския Инока Парфения

Направление, принятое русскою литературой последних годов, заслуживает в высшей степени внимания. Русский человек, с его прошедшим и настоящим, с его экономическими и этнографическими условиями, сделался исключительным предметом изучения со стороны литераторов и ученых. Всякий стремится посильною разработкою явлений русской жизни уяснить для себя загадочный образ русского народа; всякий, с нетерпеливою поспешностью, спешит наворожить младенцу-великану блестящую и благоденственную будущность. Несмотря на эту, быть может, преждевременную и юношескую запальчивость и нетерпеливость, нельзя сомневаться, что настоящее литературное движение скрывает в себе зачатки, весьма плодотворные по своим последствиям. Нельзя сомневаться, что даже и в настоящее время мрак, обнимавший многообразные проявления русской жизни, начинает малопомалу рассеиваться, ибо мы в течение немногих последних лет приобрели уже достаточное количество материалов для знакомства с характером и внутренним бытом русского народа, и если процесс этого ознакомления еще не вполне завершился, то нельзя не иметь крепкой надежды, что молодая русская литература, став однажды на твердую стезю изучения русской народности, не собьется с нее и довершит начатое дело. Делается очевидным для всякого, что потребность познать самих себя, со всеми нашими недостатками и добродетелями, вошла уже в общее сознание: иначе нельзя объяснить ту жадность, с которою стремится публика прочитать всякое даже посредственное сочинение, в котором идет речь о России. Не далее как лет десять тому назад книжки журналов безнаказанно наполнялись переводными статьями и компиляциями, в которых русского были только слова; в настоящее время, можно утвердительно сказать, что существование журнала, составленного таким образом, было бы весьма печально. И это стремление изучить самих себя, воспользоваться почти нетронутою сокровищницею народных сил, чтобы извлечь из них все, что может послужить на пользу, заметно не только в сфере литературы и науки; оно проникло в практическую деятельность всех слоев нашего общества, и всякий, кого сколько-нибудь коснулся труд современности, кто не празднично живет на свете, волею или неволею, естественным ходом вещей, должен убедиться, что если мы желаем быть сильными и оригинальными, то должны эту силу и оригинальность почерпать в той стране, на которую доселе, к сожалению, мы смотрели равнодушными и поверхностными глазами заезжего туриста.

И действительно, давно ли, кажется, было в ходу то сонное полуидиллическое воззрение, которое смотрело на народ как на театральную толпу, в известных случаях являющуюся на помост, чтобы прокричать заветную фразу, вроде «идем!», «бежим!», или как на кордебалет, отплясывающий где-то у воды. Давно ли считалось необходимым условием, выводя на сцену русского мужика, заставить его несколько раз произнести слова: «кормилец», «шея лебединая, брови соболиные» и т. д., и затем все литературные формальности относительно этого неопрятного субъекта, *set ours mal lechu*, считались соблюденными? Давно ли, не на нашей ли памяти, процветало и наслаждалось жизнью это прискорбное воззрение, и между тем как далеки мы от него! Мы убеждены, что в настоящее время труды Полевых, Кукольников и прочих усердных выводителей русского народа на сцену Александрийского театра ни на чьем лице даже улыбки возбудить не могут, – до такой степени они наивны и невинны.

Перед нами лежит сочинение, которое, по значению своему в сфере разьяснения внутренней жизни русского народа, мы не обинуясь ставим рядом с «Семейною хроникой» г. Аксакова. Многим, быть может, странным покажется такое сопоставление двух сочинений, которые и по предмету и по изложению не могут иметь между собою ничего общего. В действительности же эта невозможность только кажущаяся, ибо и г. Аксаков, и многоуважаемый отец Парфений, конечно, в различных сферах, имеют в виду одну и ту же цель – правдивое изображение известных сторон народного быта, известных народных потребностей; оба они одушевлены одною и тою же любовью к своему предмету, одним и тем же знанием его, вследствие чего и самое изображение у обоих приобретает чрезвычайную ясность и полноту и облекается в художественные формы.

Участие, возбуждаемое «Сказанием», делается еще более понятным, если принять в соображение, что главный интерес его заключается не столько в защите известных богословских положений, – для того чтобы достойно оценить достоинство и значение последних, необходимо быть специально к сему приготовленным, – сколько в том, что оно делает читателя как бы очевидцем и участником самых задушевных воззрений и отношений русского человека к его религиозным верованиям и убеждениям. Одним словом, предметом сочинения о. Парфения служат: паломничество и раскол, два явления, которые и по настоящее время не утратили своего значения в русской народной жизни. Почтенный автор, будучи сам смолоду раскольником, видел лицом к лицу все тайные и явные условия, которые объясняют возможность существования раскола и делают это явление фактом весьма замечательным в истории русской цивилизации; он с юных лет был обуреваем жаждою внутреннего, духовного просвещения, с юных лет искал разрешить сомнения, тяготившие его душу, и только пройдя через все искушения, через все испытания, достиг наконец того состояния, в котором человек может смотреть на свет и истину глазами невооруженными. Автору, таким образом приготовленному и обладающему сверх того большим запасом того внутреннего жара, который в избранном предмете заставляет находить его лучшую, симпатичнейшую сторону, нельзя не верить на слово: воспроизводимые им образы, описываемые им дела красноречивее всяких математически точных доказательств говорят в пользу того дела, на защиту которого он вооружился.

Нельзя сказать, чтобы наша духовная литература была бедна сочинениями, направленными против заблуждений «глаголемых старообрядцев». Из новейших мы можем в особенности указать на сочинения высокопреосвященного Григория, нынешнего митрополита С. Петербургского ¹, и преосвященного Макария, епископа Винницкого ². С догматической стороны, в сочинениях этих так называемое старообрядчество опровергнуто на всех пунктах, с замечательною ясностью и знанием дела; нельзя думать, чтобы раскольник, как бы он ни был озлоблен и закошел в своей злобе против св. церкви, не сознал своей неправды при столь положительных и неопровержимых обличениях, и если результат, в противность всем ожиданиям, оказывается не вполне решительный, то очевидно, что такое явление имеет свою причину не столько в религиозных догматах, сколько в целом круге понятий и требований самых разнообразных; очевидно, что в самой сущности раскола есть нечто особое, что дает ему живучесть и силу, несмотря на всю неопровержимость доводов, выставляемых против него святителями православной церкви. Это «нечто», эту особенную силу заставляет нас предполагать и о. Парфений, когда рассказывает нам на стр. 97 – 130 1-го т. своего сочинения прение на соборе, созванном в молдавском раскольническом селении Мануиловке против него и друга его Иоанна за уклонение из раскола. Обличения, говоренные автором, до такой степени не только ясны и просты, но, что важнее всего, согласны с свидетельством Св.

---

¹ Истинно древняя и истинно православная Христова церковь, 2 ч. (Прим. М. Е. Салтыкова.)

² История русского раскола. (Прим. М. Е. Салтыкова.)

писания и отеческих преданий, что нет материальной возможности не согласиться с ними, – и между тем каков оказался результат собора? Тот, что «некоторые воздыхали и плакали, а некоторые распыхались сердцами и роптали», и решили наконец все-таки на том, чтобы с уклонившимися из раскола никому не разговаривать и не иметь никакого сообщения.

Подобно сему, многозначительны и следующие два случая, рассказанные почтенным автором. Первый имел место в стародубских раскольнических монастырях, куда автор, тогда еще раскольник, пришел в чаянье найти таких для себя наставников, которые «проходят строгую иноческую жизнь» и которые «победили страсти и достигли совершенства». На вопрос странствователя о таких подвижниках стародубские раскольники с полною откровенностью отвечают: «Брат! далеко ты лезешь! Мы про страсти и про совершенство почти и не слышали; а в нынешние времена какие дары духа святого?» Другие советовали жить как живется или указывали на таких старцев, которые оказывались или малограмотными, или вовсе безграмотными и пользовались уважением только потому, что «ни с кем не пьют, не едят, и всеми гнушаются, и всех хулят, и всех осуждают и даже своих единовверных; и всех считают грешниками, а только себя святыми; и толкуют день и ночь, а о иноческой жизни и не знают, в чем она состоит». Второй случай имел место в Константинополе, где автор встретился с некоторыми раскольническими монахами, проживавшими вместе с ним в Молдавии в Мануиловском скиту. О. Парфений повел их в патриаршую церковь и указал на древнюю икону пресвятыя богородицы, на которой благословящая рука преевечного младенца изображена именованно. Древность иконы не подлежит сомнению: она принесена была из Иерусалима царицею Еленою, потерпела много от огня и иконоборцев, ввержена была в море и чудесно спаслась; свидетельство такой иконы не могло быть, следовательно, сомнительным для раскольников, и между тем на деле оказался результат совершенно противный. «Они (раскольники) подошли к ней, – рассказывает о. Парфений, – и стали смотреть; но мой знакомый монах Дорофей вдруг отскочил от нее и, переменявшись в лице, с дерзостью сказал: «Не только мы этой иконе не поверуем, но если бы и сам Христос нам явился и сказал, что эта церковь правая, и то не поверуем». Эти три случая заставят призадуматься всякого. Очевидно, что раскольники не только не могут выдерживать состязания о вере с лицами, которые могут доказать им неправоту их понятий по сему предмету, но даже не хотят допускать подобные состязания из опасения, что могут «посрамиться». Очевидно, что если за всем тем упорно отстаивается ими свое собственное неправое убеждение, то причина такого упорства должна лежать не в самом этом убеждении, а, как мы сказали выше, в целом круге иных понятий и явлений, составляющих для главного, выставляемого напоказ и, так сказать, официального убеждения нечто если не совершенно постороннее, то, во всяком случае, не существенно с ним связанное.

Предпринимая разбор сочинения отца Парфения, мы заранее считаем нужным оговориться, что не можем и не считаем себя вправе касаться той стороны его, которая заключает в себе защиту святой православной церкви против раскольников. Мы не признаем себя достаточно подготовленными для такой оценки, и притом правота православия составляет для нас факт столь несомненный, что распространяться об нем значило бы только испестрить предлагаемую статью ссылками и выписками из сочинений лиц, специально посвятивших себя делу обличения неправды раскольников. А потому мы ограничиваемся здесь лишь упоминанием двух названных нами сочинений, а также сочинения протоиерея Андрея Иоаннова «о стригольниках», о котором мы, впрочем, предоставляем себе поговорить впоследствии подробнее, по тому уважению, что оно, во многих отношениях, представляет разительное сходство с «Сказанием» о. Парфения.

В последнее время, на развалинах сонных и водевильных понятий о русской народности, сложилось много самых разнообразных и оригинальных воззрений на этот предмет. Однако ж пальма первенства между ними, по оригинальности, бесспорно принадле-

жит тому воззрению, которое, видя в русском человеке осуществление всех человеческих совершенств и наделив его жаждою внутреннего просветления, семейными добродетелями, смирением, кротостью, благодушием и всеми качествами, которые приводят в результате к благоденственному и мирному житию, награждает его сверх того аскетическими попользованиями. Нельзя не сознаться, что, при такой ловкой обстановке, вопрос поставлен на такую почву, на которой всякое противоречие или спор о народности становится неудобным и даже невозможным. Претерпевая постоянные и довольно горькие неудачи на всех прочих пунктах, относящихся до различных добродетелей, воззрение благоразумно прячется за конопляниками аскетизма и оттуда смело кричит своему противнику: «Найди меня в этой трущобе!». Уловка эта, впрочем, далеко не новая. Пресловутый французский журналист Louis Veillot в пресловутой газете «Univers» давным-давно подвизается на этом поприще, и наши ненавистники лукавого и гниющего Запада не имеют в этом отношении никакой иной заслуги, кроме той, что с Запада же переносят готовое и вдобавок противуобщественное воззрение.

Нельзя, однако же, не отдать полной справедливости той строгой последовательности, с которою пересадители на русскую почву воззрений Veillot и комп. проводят принцип аскетизма через все человеческие отношения. В сфере семейной – аскетизм младших в пользу старших, слабых в пользу сильных; в сфере гражданской – аскетизм отдельных личностей в пользу общины, мира, живых и действительных интересов в пользу интересов искусственных, и, наконец, в сфере высших духовно-нравственных интересов – полное отречение от всего, что смягчает жизнь человека, составляя ее прелесть и красоту, от всего человеческого в пользу принципа безграничной духовной свободы, принципа мрачного и безжалостного по своим противоестественным последствиям. Само собою разумеется, что при таких условиях жизнь утрачивает свою цельность и делается лишь подвигом послушания; общество, в котором живет человек, перестает быть средою, представляющею наиболее споспешествующих условий к удобнейшему удовлетворению его законных потребностей; напротив того, оно является тесно замкнутым кругом, который все отдельные личности, его составляющие, порабощает своему отвлеченному эгоизму, в котором до потребностей отдельного лица никому нет надобности, где всякий должен жертвовать своими живыми интересами в пользу интересов искусственных.

И за всем тем не здесь еще геркулесовы столпы аскетического воззрения. Проводя принцип презрения к личности до крайних его последствий, воззрение необходимо должно прийти к тому заключению, что как бы оно ни поработило частную личность в пользу личности высшей и коллективной, все-таки первая, живя в обществе и составляя одну из деятельных единиц его, невольным образом вынуждена будет предъявить свои эгоистические притязания. Как бы ни предусмотрительно, как бы ни искусственно была придумана форма общежития, в которую мы хотели бы втянуть личность человека с целью сделать ее безгласною, каким бы духом самоотвержения ни были одушевлены самые личности, согласившиеся принести себя в жертву общежитию, все-таки хоть в слабой степени, хотя в мелочах, личный принцип найдет для себя исход и возможность протестовать против подавляющих притязаний общежития. Очевидно, следовательно, что порабощение частной личности в пользу общины, мира, есть только половина того нравственного подвига, на который *осужден* человек, очевидно, что тут нет еще полного аскетизма, ибо как бы мы ни дисциплинировали волю человека, живущего в обществе, все-таки самое поверхностное понятие о значении последнего предполагает уже существование каких бы то ни было отношений, в которых отдельная личность *непременно* должна выразиться. Где же искать таких благоприятных условий, где найти ту среду, в которой человек являлся бы почти в абстрактном состоянии, отрешенным не только от внешнего мира, прелестного и многоятежного, но, так сказать, от самого себя или, по крайней мере, от своей чувственной природы, где самый подвиг жизни мог бы иметь значение лишь в смысле упорной, безустанной борьбы человека с самим собою? Очевидно,

что эта среда находится в лесу, в ущелиях, пещерах и что переход от общества к вертепу делается весьма логически.

Из всего сказанного выше ясно усматривается нелепость воззрения, которое мы не обинуясь назовем аскетическим. Только необычайная слепота и крайнее фанатическое изумление может приурочить целую народную массу к такому противообщественному стремлению и сделать сие последнее непременным условием будущего преуспевания этой массы. Но не оправдывается ли оно, по крайней мере, тем, что корни его лежат в народных обычаях, в духе народа? Нет сомнения, что в историческом развитии народов встречаются такие моменты, когда аскетические воззрения на отношения человека к самому себе, к обществу и к высшему существу являются как бы преобладающими. Это те моменты, когда все другие интересы жизни до того скудны, до того неразвиты, что не могут удовлетворить даже самым невзыскательным требованиям, когда личность и самые матерьяльные условия существования человека до такой степени не обеспечены, что ему нечего терять, когда, вследствие совокупного действия всех обстоятельств, среди которых живет человек, мысль его, не находя окрест ничего успокоивающего, освежающего, невольным образом отвращается от настоящей жизни, как от жестокого искусства, служащего лишь тесным преддверием к иной, лучшей жизни. Но такое воззрение не составляет исключительной собственности одного какого-либо народа; напротив того, все члены семьи человеческой имели свою эпоху аскетического фанатизма. Крестовые походы и религиозные войны, которые так долго составляли все содержание истории Западной Европы, всегда будут неотразимым опровержением обвинения в религиозном индифферентизме, в котором заподозрена образованнейшая часть человеческой семьи со стороны воззрения, столь щедро наделяющего русский народ аскетическими добродетелями. Нам скажут, быть может, что на Западе это было явление искусственное, возбужденное, результат высшей политики пап, но это едва ли основательно, ибо чьи бы ни были соображения, они не могли бы иметь таких поразительных результатов, если бы в основании их не лежала общая и настоятельная потребность века. Толпе, которая шла за Петром Пустынником, не было дела до высших потребностей; она шла, одушевленная действительным энтузиазмом к предпринятому святому делу освобождения гроба господня; она смотрела на этот подвиг как на исключительную цель всех стремлений жизни, нисколько не доискиваясь посторонних пружин, двигавших этим делом.

Тем не менее подобное напряженное состояние целого общества не может продолжаться неопределенное время. Самое торжество христианской идеи делает уже фанатические порывы ненужными и даже крайне вредными.

Какая же причина, какие факты могут заставить предполагать, что Россия была причастна этому явлению в сильнейшей степени, нежели прочие народы Западной Европы? Что оно выразилось у нас в иных, своеобразных формах – это вопрос другой, но тем не менее принцип явления был один и тот же как для России, так и для Западной Европы. Затем, что заставляет предполагать, что этот принцип и для России не есть уже принцип отживший, исчерпавший все свое содержание? С того времени, когда он безраздельно властвовал над обществом, воды утекло так много, что нельзя думать, чтобы одни аскетические воззрения остались незыблемы и неприкосновенны. Бесспорно, что мы встречаем и в истории и в особенности в памятниках народной старины несомненные свидетельства этого воззрения (об этом будет говорено ниже), но ведь потому-то и называются эти памятники «старинною», что в настоящее время они уже утратили то значение и смысл, которое имели в эпоху своего появления. Где в настоящее время пустыни, где вертепы, где леса, населенные странниками, где, наконец, эта богатая народная литература, проникнутая аскетическими воззрениями? Осматриваясь кругом себя, мы видим гражданское общество, видим много недостатков, много порочных людей рядом с людьми, проникнутыми самыми благими побуждениями, – одним словом, все то, что встречается во всяком гражданском обществе, но не видим ни

пустынников, ни вертепов. Стихи аскетического содержания стали уже достоянием нищих, которые передают их от поколения в поколение, не придавая этому факту никакого особенного значения. Одним словом, если еще и существуют где-нибудь аскетические воззрения на жизнь, то исключительно в небольших группах раскольников, и то самых закоснелых, которые и до настоящего времени убеждены, что царство антихриста уже настало и что спасение возможно не иначе как под условием жительства *в горах, вертепах и рассединах земных, в плачах бесчисленных*.

Но посмотрим, однако же, в каких формах являлось у нас аскетическое воззрение по свидетельствам памятников нашей старины.

Дошедшие до нас памятники народной русской поэзии сохранили в себе много следов этого воззрения. Изданные г. Киреевским русские народные стихи духовного содержания (Чт.<ения> в имп.<ераторском> общ.<естве> ист.<ории> и древн.<остей> росс.<ийских>, № 9) будут служить нам значительным пособием для раскрытия того, в чем заключалось и обнаруживалось это воззрение. Возьмем для примера стих о царевиче Иоасафе, входящем в пустыню. Молодой царевич Осафий покидает свое царство, «свою каменну палату» и приходит в пустыню. Стих не объясняет даже причин такого решения: до того просто и естественно кажется для слагателя это явление; видно только, что юноша просит пустыню:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.